

ЦИКЛ
«ЛЕДОВЫЕ КОРСАРЫ»:

КОМПАС ЧЕРНОГО КАПИТАНА
МЕСТЬ ЛЕДОВОЙ ГОНЧЕЙ
ЛЕДОВАЯ АРМИЯ

Юрий Погуляй
КОМПАС ЧЁРНОГО КАПИТАНА

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-312.9

ББК 84.4

П43

Погоуляй Ю.

П43 Компас чёрного капитана / Ю. Погоуляй, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 358 с. — (Ледовые корсары).

ISBN 978-5-521-74034-5

В этом мире есть только снег и бездонный океан. Тепло — ценный ресурс, за который можно убить. Земли нет — её заменяет вековая толща льда, которую бороздят машины-ледоходы. Говорят, что где-то далеко все же есть суша — место, где под ногами простирается бесценная почва, а растения цветут просто так — под открытым небом, а не в тщательно оберегаемых оранжереях. Но нет никого, кто видел её своими глазами и вернулся, чтобы рассказать об этом. Слишком много опасностей подстерегает смельчаков на пути туда — жуткий холод, подводные твари, неизлечимая болезнь, пираты и загадочные культисты.

Но, возможно, особая судьба ждет юношу, в руки которого попадает необычный компас?

BIC FM

BISAC FIC009000

© Юрий Погоуляй, текст, 2021

© Яна Цилибина, обложка, 2021

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021

© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-521-74034-5

ПРОЛОГ

Мне непросто приступать к рассказу о тех событиях. Честно говоря, я даже не знаю, с чего лучше всего начать. Что должно стать первыми строчками? О чем поведать, прежде чем перейти к самой истории? Так хочется выложить все и сразу, но...

Давайте сначала я коротко расскажу вам о моей родине. Деревне, с которой все началось. Это не отнимет у вас много времени, и мне кажется, для вас эта крошечная предыстория будет интересной. Ведь часто жители крупных городов не могут себе представить, как живут обитатели далеких поселений, затерянных в ледяных пустынях. У той жизни есть свои минусы и свои плюсы.

И скажу прямо – я скучаю по Кассин-Онгу (так называлась моя деревня). Она находилась в двух неделях пути от ближайшего острова, на котором расположился свободный город Снежная Шапка. Путь, мягко говоря, неблизкий и непростой. Многие лиги льдов, заструг, лабиринтов из покатых гребней торосов да древних, посеревших от времени айсбергов. Воющая морозная пустыня, раскинувшаяся от горизонта до горизонта, и рассеченная вколоченными в лед путевиками. Длинная цепь обледенелых черных стержней – единственное, что связывало Кассин-Онг и Снежную Шапку.

С самого детства мне казалось, что далекий островной город находится в другом мире. В том, где я никогда не бываю. И куда меня, честно говоря, никогда не тянуло. Я был

убежден, что вся моя жизнь будет длинной чередой душных дней в теплице Пухлого Боба, среди ровных грядок овощей и трав, да катаний по глетчерным ледовым горам Дальнего Кряжа.

Я ошибался.

И сейчас, оглядываясь назад, понимаю, как же на самом деле мне повезло с детством. С суровым, вечно холодным детством, прошедшим на краю вселенной, в крошечной деревушке, где не ведали ни об одной беде большого мира. Я вспоминаю яркое солнце, играющее с морозными рисунками на стеклах и заставляющее улыбаться, я вспоминаю запах завтрака и тихие кухонные разговоры, доносящиеся из-за стены. В углу всегда шипела жаркая печка, а ноздри тревожил чудесный аромат рыбы. Светлый Бог, как же вкусно жена моего кузена готовила рыбу! Пальчики оближешь.

Теплая комната, солнечные рисунки на стенах, вечный снег и жареная рыба – вот они, мои воспоминания. Я помню, как солнце скрывалось за ледниками Дальнего Кряжа, и снег, покрывший вселенную Кассин-Онга, сверкал, словно россыпь драгоценных камней. То было хорошее время. И даже те дни, когда я работал у Пухлого Боба, – сейчас мне кажутся беззаботными. А я вкалывал, как проклятый. Старался до одурения: полыл, поливал, окучивал. Боролся с вредителями, заводящимися словно из воздуха, и с замиранием сердца собирал с влажных проходов между грядками крупницы драгоценной земли. Радовался, что теплица, как и вся деревня, стоит на платформах и ей не страшны глупые, но чрезвычайно упорные шаркуны, способные прогрызть пол в жилище. Эти покрытые жестким панцирем твари на севере встречаются значительно чаще, чем на юге.

Вообще Кассин-Онг – это россыпь приземистых домов, издаലെка кажущихся заснеженными куполами больших сугробов, угнездившихся на металлических островках. Это паутина узких навесных переходов-улочек между ними да бахрома спускающихся на лед лестниц. На южной окраине, чуть в

сторонке, ждали своего часа огромные тяговые ледоходы, готовые в любой момент перетащить деревню, куда укажет староста Глонга. Мой кузен Лумен помогал инструментарию следить за двигателями многотонных гигантов. Раз в день, как минимум, они заводили тягачи и вслушивались в ровный стук, опасаясь услышать чуждые звуки, знаменующие кончину ледохода.

На центральной (самой высокой и широкой) платформе располагался дом старосты. С его крыльца можно было без труда разглядеть всю деревню, а в хорошую погоду и путевики, ведущие в Снежную Шапку. К жилищу Глонги примыкала таверна Пухлого Боба. Чуть к северу от них, на том же островке, поднимался купол теплицы, составленный из тысяч маленьких заговоренных стекол, пропускающих солнечный свет, но не выпускающих драгоценное тепло.

Это была главная площадь нашей деревни. Самый большой островок металла, соединенного с прочими узкими трапами.

Кассин-Онг держали могучие сваи, заканчивающиеся широкими полозьями. Но последние лет сто, а то и больше, наша деревня никуда не переезжала. Темный Бог лютовал где-то далеко на юге и в наших краях не появлялся, для большинства оставаясь лишь страшной легендой. Так что у многих островков лед окончательно поглотил металлические полозья, выкованные и зачарованные еще в те времена, когда рядом с деревней вздымались к небу железные леса, которые-то и пошли на изготовление санных опор. Теперь за металлом приходилось отправляться на север, за Дальний Кряж.

Кое-кто, конечно, тщательно сбивал намерзший лед со свай (слава Светлому Богу – сами полозья после шаманских чар не промерзали), но на таких обычно смотрели со снисходительной улыбкой, совсем уж расслабившись в покое северных краев.

Еще в Кассин-Онге был хороший шаман, потомственный. Из старого народа, по слухам, ведущего свое начало от ко-

го-то из Добрых. Его семья и основала эту деревушку много лет назад. От чего бежали предки старика и нашли ли то, к чему стремились, – то мне неизвестно. Я знаю только одно – Сканди ан Лиан был душой и сердцем нашей деревни. С ним никогда не бывало перебоев с топливом, а наши дома и ледоходы всегда хранили в себе тепло.

Раньше он никогда не сидел на месте, обходя деревню и предлагая свое мастерство, но в последние годы сила его уже была не та, что прежде. Стареющий кудесник все реже покидал теплый трюм своего корабля-храма. За исключением тех случаев, когда дело касалось топлива. Даже когда баки могучих машин были заполнены доверху – шаман все равно отправлялся за льдом и превращал его в энгу. Энгу, дающую жизнь. Энгу согревающую. Энгу – спасительницу всего человечества.

Здесь постоянно лютовали холодные зимы: температура опускалась иногда до минус шестидесяти градусов, но вот летом, в самые жаркие дни, поднималась выше нуля, и лед начинал подтаивать. Затягивались лунки шаркунов, теплел воздух, и дышать становилось чуточку тяжелее, чем обычно. И вдобавок ко всему появлялся талый лед...

Работники рыбных шахт в такие дни старались на промысел не выходить. Проходы становятся опасны – и один раз поскользнувшись наверху, можешь очнуться уже в ледяной воде, пролетев многие ярды холодных коридоров, проделанных шахтерами.

Именно так погибли братья ан Бауди. Мой отец и мой дядя (отец Лумена) ушли к Темному Богу в один день, когда мне не было и трех лет. Это был день талого льда. Конец задержавшегося лета. Нужда и начинающийся голод толкнули опытных рыбаков на промысел в опасное время и обрекли их на смерть... Мать Лумена вскоре зачахла и последовала за мужем. А моя мама умерла еще при родах. Так мой двоюродный брат стал моим «папой».

Талый лед часто губит рыбаков в шахтах.

Так говорил мне брат, и я верил ему, потому что у него не было причин врать. И потому ненавидел лето в Кассин-Онге, хотя до безумия любил свою деревню. Да и до сих пор люблю, несмотря на то что знаю – прошлого не вернуть...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Одноглазый

Все началось, когда из Снежной Шапки пришел закутанный в шкуры Одноглазый. Это был крепкий, бывалый и удивительно выносливый человек уже преклонного возраста. Не каждый молодой охотник сможет протянуть столько дней в холодной пустыне.

Одноглазый – смог. Он пришел в Кассин-Онг в середине дня. Черная точка на ослепительном снежном полотне выросла и превратилась в высокого, неуклюжего из-за множества шкур странника, чье лицо скрывали намотанные и заиндевевшие шарфы, а единственный глаз закрывал сетчатый окуляр, защищающий от снежной слепоты.

Несмотря на долгий путь, Одноглазый не показался никому уставшим. Это был неторопливый, уверенный путник, шагающий мимо путевых столбов так легко, словно каждый день ему доводилось добираться до мест еще более далеких, чем тихий Кассин-Онг.

Старик прошел мимо спящих тяговых ледоходов, ловко забрался на мостки, связывающие все дома в деревне, и, стуча острыми зубьями «кошек» по обледенелым металлическим плитам, без ошибок нашел дом старосты. Удивленный Глонга смело открыл незнакомцу и поспешно пригласил замерзшего гостя к себе домой.

Так в нашей деревне появился Одноглазый. Человек с темным прошлым, со злым взглядом, грудой почти бесполезных в наших краях монет и с мешочком порошка, сделанного из высушенного чернуоса. Последнее богатство позволило не-

знакомцу быстро стать одним из нас. Странно, что при таких деньгах он не прибыл на роскошном ледоходе южных мастеров, способном преодолевать как ровный лед, так и проламывать торосы. Говорили, что южане умеют делать корабли-фреты, ходящие и по воде. Конечно, не в наших краях, где та сокрыта под многоярдовой промерзшей броней, а далеко отсюда, у Южного Круга. Где лед становится тоньше, превращается в ледяное сало, а затем переходит в ядовитые, отравленные воды запретных мест.

Прежде я считал эти рассказы сказками, но что-то в облике Одноглазого несло печать другого мира. Четкого. Достоверного. Зловещего.

Сказать честно – я боялся этого седого морщинистого старика. Его уцелевший глаз смотрел на мир с недобрым огоньком и вечно слезился, а на морозе словно покрывался прозрачной пленкой, отчего казалось, будто смотришь на мертвеца. И только облачка пара изо рта, оседающие искрящимися кристаллами на одежду, говорили о том, что суровый моряк еще жив.

Он никогда не рассказывал нам о своей жизни «до» Кассин-Онга. Лишь загадочно хмыкал, когда кто-нибудь пытался разговорить его о прошлом. По вечерам старик приходил в таверну Пухлого Боба напиваться, а все остальное время торчал в доме, принадлежавшем когда-то моему отцу.

Это было едва ли не единственное пустующее жилище в нашей деревне. Хижина с доброй печкой и крепкими стенами стояла на северо-западной окраине, и мимо него вела единственная, практически безлюдная тропа в деревню, по которой ходил только я, когда отправлялся на работу в теплицу, да наши соседи, семья ан Эфталов, живущая на соседней платформе. Одноглазого не смутило то, что он заселяется в дом мертвеца, и это еще больше оттолкнуло от него людей. Впрочем, старик и не стремился заводить себе друзей. Даже вечерами, когда он пил шаркунку, горький согревающий напиток, настоящий на вытяжке из кожи шаркунов, не искал компа-